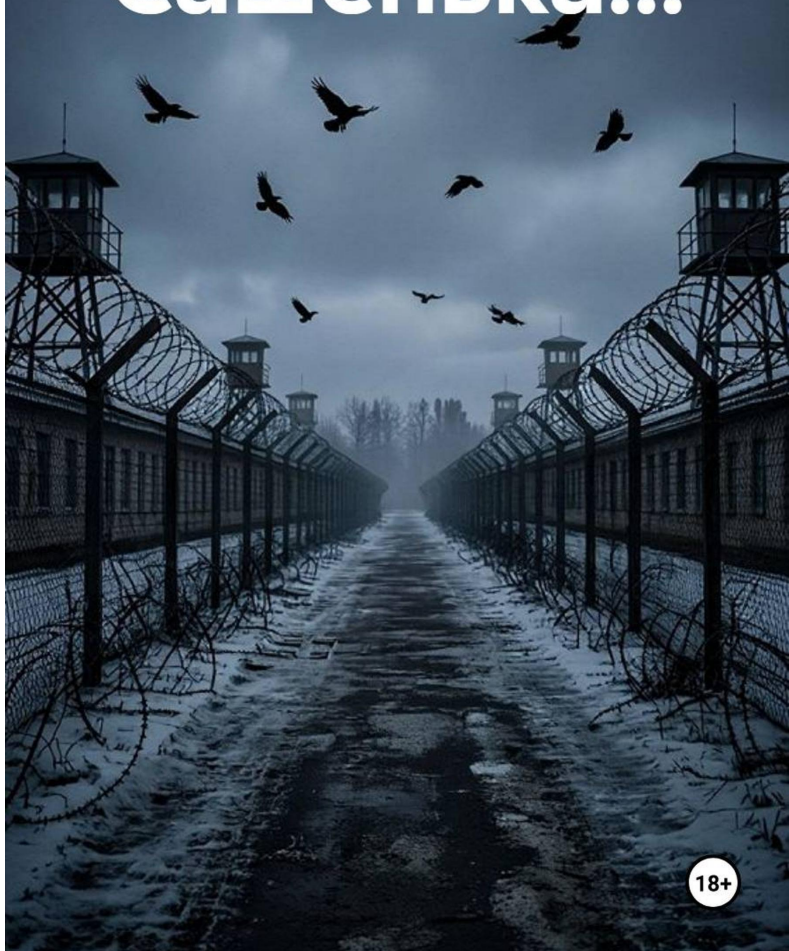

Елизавета Смирнова

Сашенька...

18+

Елизавета Смирнова

Сашенька...

<https://litres.ru/74678108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Холодный двор за колючей проволокой, угрюмые вышки по углам, свинцовое небо, по которому кружат вороны. Здесь тишина не пустота — она натянута, как струна: одно слово, один звук — и привычный порядок рассыплется в пыль.

Место стирает имена, ломает ритмы, диктует свои законы. Но где-то внутри остаётся крошечная, почти незаметная вещь — якорь, который не даёт раствориться в этом холоде. Весточка из прошлого бьёт не криком, а звенящей тишиной: она рушит не стены, а хрупкий баланс, на котором держался весь мир.

«Сашенька» — история о том, как место пытается стереть человека, а память и одна маленькая деталь не дают ему исчезнуть. После неё хочется помолчать и потом обязательно поговорить.

Сашенька...

— Стройтесь! Что плетётесь, как пленные румыны в сорок третьем! Шевелитесь! — голос Михайловой резанул сырость, привычный, без злобы, будто просто держал этот день от распада.

Ветер тёр по коже, как наждачная бумага, не давая ни секунды передышки: пробирался под воротники, шевелил края платков, заставлял втягивать головы в плечи. По периметру двора зечки стояли сплошной усталой линией — не строем, а живой изгородью из согнутых спин и опущенных глаз. Они держались так близко друг к другу не ради дисциплины — просто рядом было чуть теплее, чуть тише.

А в центре, ровно посреди этого серого прямоугольника, стоял Сашенька. В левой руке — пачка карточек, потрёпанных, с загнутыми уголками. Надзиратель читала фамилии, и по двору тут же прокатывалось гулкое эхо — женщины выкрикивали свои имена так, будто вбивали в воздух своё право быть учтёнными:

— Латышева! — Александра Николаевна! — голос прозвучал твёрдо, хоть и с хрипотцой, будто каждое слово приходилось выталкивать сквозь холод.

— Цой! — Баина Геннадьевна! — чуть резче, будто хотела, чтобы этот звук не утонул в ветре.

Карточку переворачивали, и Сашенька спокойно укладывал её вниз стопки. Без спешки, без лишних движений —

будто сам этот ритм переключивания не давал дню рассыпаться.

Света и Лиза стояли рядом. Света, будто между делом, тихо бросила:

— Опять он этот пистолетик крутит. Видела? В пальцах вертит, будто без него стоять не может.

Лиза чуть наклонила голову, всматриваясь сквозь морось:

— Говорят, от родителей остался. Единственная вещь, что не отобрали.

— Ну да, — хмыкнула Света. — А ещё болтают, будто он из тех румын, что тут в войну сидели. Потомок, мол.

— Ага, — кивнула Лиза, без особого интереса, но всё же понизив голос. — И будто он сорок лет кого-то из своих ищет. По фамилиям, по спискам... Только ничего не находит.

— Да уж, — протянула Света. — С такой памятью только и держаться за деревяшку.

Они замолчали, и тишина легла поверх ветра, поверх карканья, поверх тонкого звона колючей проволоки. Не жалость — просто привычная сплетня, которую шепчут, потому что она хоть как-то заполняет этот серый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.